

Коллекция
Январь 1913 года

ВТОРОЙ
ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 5—6-й.

ВЪ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ХОЗЯЙСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ
ПО ДАННЫМЪ ОБСЛѢДОВАНІЯ 1908 Г.

ВѢСТНИКЪ Новоузекскаго Земства

1913 годъ.

Сентябрь—Декабрь.

НОВОУЗЕНСКЪ.
Типографія Общества Трудовой Помощи.
1913.

Страничка из прошлого

(К истории немецких колоний)

Действительно назревшей потребности шло навстречу Новоузенское земство, решив издавать свой «Вестник», в котором читатели непосредственно могут знакомиться с наиболее важными вопросами сельской жизни, с мероприятиями, нововведениями земства и теми намеченными путями, на которые следует вступить, отвечая разнообразным запросам сельскохозяйственной, врачебной, педагогической жизни нашего времени.

Но не только наше время, но и наше прошлое, прошлое нашего края заслуживает внимания местного жителя, для которого небезынтересны «дела минувших дней, преданья старины глубокой», а потому с благодарностью можно отметить появление в № 1 и 2 «Вестника» за прошлый год статьи г. Колесникова «Новоузенский уезд в его прошлом и настоящем», набросавшего нам, хоть и в немногих штрихах, картину заселения занимаемой нами полосы.

Дополнением к той части очерка, где автор говорит собственно о заселении уезда немецкими колонистами, может служить нижеследующая страничка из истории.

I

В конце июня 1762 года на русский престол вступила Екатерина II; первые же ее шаги обнаружили в государыне замечательное знание назревших потребностей страны, а вместе с тем и твердую волю сделать необходимое для насаждения и развития культуры в государстве, продолжая дело Петра Великого, которому [с. 182] в основанной им столице поставила памятник с надписью, как бы в знак солидарности с царем-преобразователем: «Петру I Екатерина II».

В середине октября того же года был опубликован первый правительственный указ об иностранных поселенцах; уже в 1763 году последовал второй указ, призывавший в незаселенные степные пространства на востоке (Волга) и юге (Черное море) иностранцев, желающих заняться земледелием.

Если внимание Петра Великого, главным образом, было сосредоточено на развитии торговли и промышленности, то

Екатерина II краеугольным камнем считала хлебопашество; в то, что писал Фридрих Великий Вольтеру, верила она: «богатство есть то, что дает земля; кто улучшает почву, обрабатывает необитаемые местности, тот делает завоевание; крестьяне – кормильцы общества, которых нужно поощрять к земледелию; нужно начинать хлебопашеством, после этого можно перейти к мануфактуре и, наконец, к мелочной торговле».

Места на юге охотнее и скорее заселялись крестьянами из центральной России, свободные земли манили их; но добровольцев на далекий и к тому же небезопасный восток находилось мало, а между тем именно сюда нужно было привлечь поселенцев, чтобы дать отпор диким кочевникам, безнаказанно хозяйничавшим от Урала до Волги и своими набегами стиравшими с лица земли малейшие зачатки какой бы то ни было созидательной работы.

Сюда-то и звала бывшая германская принцесса своих бывших сородичей по крови.

Когда 4 декабря 1762 года был объявлен указ об иностранных поселенцах, государыня поручила своему кабинет-директору Олсуфьеву опубликовать его на разных наречиях во всех заграничных газетах. Везде, куда проникал «манифест», он производил впечатление; вслед за ним появились послы, в заманчивых красках рисовавшие тот край, где все обилием дышит, и обещанные свободы – там далеко, на востоке, где царствует милостивая Екатерина II. [с. 183]

Стар и млад – толпами – стали просить о занесении их в списки вербовавшихся.

Объяснение такому на первый взгляд непонятному явлению мы находим в трех фактах: 1) с именем России было неразрывно связано популярное тогда на Западе имя Петра I, завоевавшего себе славу великого царя, всего лишь каких-нибудь сорок лет сошедшего с престола; 2) манифест исходил от Екатерины II, бывшей ангальтской принцессы и, 3) семилетняя война была закончена, бесчисленное множество семей осталось без крова. Неудивительно, что к 1766 году набралось более 6000 семей, около 25000 человек (германцев и швейцарцев), готовых к переселению.

Сборным местом был Любек, где стояли русские суда для доставки переселенцев в Петербург.

Некоторые из этих (парусных) судов благополучно достигли через 10 дней устья Невы; другие лишь через 11 недель; одно погибло со всем имуществом, причем людям удалось спастись.

Когда все переселенцы собрались в Петербурге, началась усиленная работа по снабжению провиантом, одеждой и деньгами на дорогу; нужно было озаботиться разбивкой селений на местах и т.д.

Наконец, тронулись в путь, большую часть которого нужно было пройти водой, взяв направление вверх по течению Невы, к Шлиссельбургу; одиночные баркасы избрали старое небезопасное направление через Ладожское озеро, большинство же направились по устроенному Петром Великим каналу, соединяющему Неву с Волховом.

Повсюду, где проходили эти чужестранцы, они наводили ужас на население; производили самосуд над сопровождавшими их комиссарами, избивали их, привязывали их к мачте, част совершенно беспричинно, в полном сознании, что они находятся под покровительством петербургского правительства. [с. 184]

В Твери между переселенцами и местным населением при закупке убойного скота произошло столкновение; по данному сигналу городская молодежь, вооруженная кольями, высыпала к судам; при ее появлении конвойные судовые офицеры ради собственной безопасности подзадоривали выселенцев. Дело приняло серьезный оборот: толпа немцев кулачным боем оттеснила горожан в город, разбила ратушу (городскую думу), причем от возбужденной толпы пострадали и сами «отцы города».

В 60 верстах от Твери, в Торжке, пришлось перезимовать; за долгую зиму выселенцы близко сошлись с местным населением и обогатили свою речь нужными для первого обихода русскими словами.

Как только весной 1767 г. Волга очистилась ото льда, немцы тронулись дальше, и в течение лета отдельными партиями стали прибывать к месту назначения, в Саратов. Только тут они из разговоров со старожилками о прошлом Саратова и края узнали, что это за обетованный край: в 16-м столетии, при Иоанне Грозном, на левом берегу Волги – в пределах нынешнего

Новоузенского уезда¹, был основан Саратов. Несколько раз в короткое время он был разграблен калмыками, и в 1591 г. его пришлось перенести на правый берег Волги, обвести рвом и валом. Но и эта защита не помешала казаку Степану Разину разграбить (лет 80 спустя) город, а через сто лет Пугачеву по-своему похозяйничать в том же Саратове.

По этим рассказам переселенцы живо представляли себе, что ждет их в безбрежных заволжских степях, где бродили дикие орды киргизов и татар.

Незначительная часть выходцев осталась в Саратове – люди, не имеющие понятия о земледелии и предпочитавшие кормиться [с. 185] более легкой работой, торговлей и ремеслами. Большинство же переселенцев разбилась на две части: одна направилась вверх, другая вниз по течению, на отведенные для заселения места.

Места эти тянулись от севера к югу на 250, с востока на запад на 100 верст, по обе стороны Волги, по правой «нагорной» и левой «луговой»; тут правительством для поселенцев были заложены селения, числом до 102; разбивка их была не всегда удачной; некоторые поселки пришлось перенести по разным причинам: то не оказалось питьевой воды, то расположенные около реки селения затоплялись весенней водой (так было, например, с нынешними селами Новоузенского уезда на реке Карамане – Осиновкой и Липовкутом).

Там, где деревянные дома еще не были закончены, пришлось жить в землянках; была заготовлена нужная крестьянская утварь; в беспроцентную долгосрочную ссуду давались фуры, плуги, семена, мука и т.д.; на целый ряд лет колонисты были освобождены от всех податей, *на вечное время* от государственной и военной службы.

Более 5 миллионов было вложено в эту колонизацию – сумма огромная при тогдашней дешевизне.

Переселенцам была предоставлена свобода в выборе места. Селились партиями, семей до 100, соответственно месту происхождения и вероисповеданию. Так, например, в Привальном

¹ Это было верстах в 3-х от слободы покровской – место, обозначенное деревянным крестом, который, согласно постановления Саратовской архивной комиссии при праздновании 300-летия нахождения города на правом берегу в 1891 г., должен быть заменен более прочным и отвечающим своему назначению памятником, постановление, вот уже 20 лет не приведенное в исполнение.

поселилось 145, в Екатериненштадте (он же Баронск) – 163 семьи. Земли было отведено много. Так, между притоками Большого Карамана и Иргиза – 24000 десятин, не меньше и в южной части селений. Дарованная земля нарезалась равными частями, которые по жребию отводились отдельным семьям в неотъемлемое владение.

По необъяснимым причинам это подворное владение, сохранившееся еще и теперь у меннонитов Малышинской волости и в их хозяйстве показавшее свою практичность, исчезло у колонистов, по-видимому, еще в начале прошлого столетия и уступило [с. 186] место общинному владению, которым немцы, как чем-то своим исконным, не хотят поступиться и теперь.

Несмотря на обеспечение всем нужным, несмотря на хорошие земли, первое время для колоний было тяжелым.

В чем же причина этого явления?

Г. Колесников (в № 2 «Вестника Новоузенского Земства» за 1912 год) говорит о «праздности, мотовстве и разврате поселенцев»; может быть в этих, присущих вообще всем поселенцам пороках и кроется разгадка вопроса? Постараемся изложить суть дела, как оно представляется нам.

Как мы выше упомянули, в Германии только что была закончена семилетняя война со всеми ее последствиями, вызвавшими, как это везде бывает, обнищание народа. Безработные, оставшиеся без кола, без двора, при общем упадке торговли, промышленности, земледелия, выбившиеся из привычной колеи, на много лет, а то и на всю жизнь обездоленные, принужденные влачить жалкое существование, немецкие крестьяне как утопающие ухватились за манифест Екатерины, обещавший им и хлеб, и кров.

Среди немцев-переселенцев были, конечно, люди и низкого нравственного уровня; они, во-первых, а затем бездеятельность в течение помянутых лет, не остались без влияния на массу, шедшую в хороший **временный** заработок (как теперешние их потомки едут в Америку легкой рукой «работать деньгу»).

Но неужели мы скажем, что наши русские переселенцы, вереницей из года в год тянущиеся в Сибирь, люди праздности, мотовства и разврата?

Вероятно, были какие-либо иные причины, помимо мотовства

и разврата.

Выходцы из Швейцарии² покинули свои родные места отчасти из-за религиозных неурядиц, какими так богата была [с. 187] эта маленькая страна в до- и послереформенное время, отчасти же потому, что горы (Альпы) не в состоянии были прокормить эту массу, искавшую, таким образом, и веротерпимости, и насущного хлеба.

Не крепостные, а свободные бюргеры, с которыми нянчились как с принцами, добровольцы, ехавшие **учить, указывать** другим – вот как смотрели эти германцы на себя и свое назначение. И везде им оказывалась честь и внимание: ширили дорогу, награждали деньгами. Они эти деньги брали и проживали – одна часть «праздностью, мотовством и развратом»; другая (не берусь решать, не желая быть голословным, большая или меньшая), живя в новой обстановке, как на поле войны, не отказывала, конечно, себе в том образе жизни, к какому привык немецкий «бюргер» и втридорога расплачивалась за свое незнание людей и языка, метко выраженное словом «немец» (немой).

Так начали свою неудачную жизнь колонисты.

Немецкий простолюдин всегда хотел и хочет жить в таких узких рамках, как жили отцы и деды; удивительно ли, что новая страна с ее новыми почвенными и климатическими условиями и особенностями поставила поселенца в тупик? Самые трудолюбивые, привыкшие к земледелию (не говоря уже о других, которые, может статься, впервые брались за плуг), никак не могли приноровиться к требованиям природы, и после первой неудачи разочарованно опускали руки. Но вместо того, чтобы прийти им на помощь, поставленные над ними комиссары самым беззащитным образом обогащались за счет этих пришельцев; так, например, на средства казны скупались дикие киргизские лошади, при удобном случае сбегавшие в табуны, пасущиеся по Еруслану и Яику, откуда их забирали и снова продавали поселенцам; и вот бесстыдство одного тогдашнего чиновника-комиссара дошло до размеров откровенной наглости: на одном из волжских островов, вблизи с. Ровного, ему принадлежал большой табун краденных лошадей и волов, которые снова продавались в

² Сохранились швейцарские названия восьми колоний в Николаевском уезде: Унтервальден, Люцерн, Цуг, Золотурн, Цюрих, Базель, Гларус, Шафгаузен.

руки колонистов. [с. 188]

Под гнетом подобных условий складывалась у первых новоселов-колонистов неудачливая жизнь, о которой мы говорили выше, и мы не можем видеть ее причины в «праздности, мотовстве и разврате». Наше сомнение подтверждается и тем, что постепенно стала овладевать поселенцами тоска по родине. Нашлись люди, ради собственной корысти рисовавшие в наилучших красках земли на юге, около Таганрога, Кавказ и отошедший в 1774 году при Кючук-Кайнарджийском мире от Турции к России Крымский полуостров; те из переселенцев, которые послушались таких советов, жестоко поплатились за свою доверчивость.

II

В ряду условий, отрицательно влиявших на развитие колоний, необходимо упомянуть и о Пугачевском бунте, вихрем пронесшимся над приволжским краем и обратившем много селений в груды пепла. Но и после этого удара снова начатая работа не могла спориться: Пугачева сменили полчища киргизов и татар, наводнивших только что заселенные места, огнем и мечем в корень уничтожавших всякие зачатки человеческого труда.

Когда в один из таких набегов толпы киргизов перешли р. Еруслан, приближаясь к с. Ровному, поселяне, приняв их за земляков-германцев, явившихся для их освобождения, вышли к ним навстречу, за что жестоко поплатились: все они были вместе со своим патером Иоганнесом уведены в плен.

Если не ошибаюсь, колония и по сие время (в августе или сентябре) помнит этот набег конца 18-го столетия.

Расскажу еще о следующем эпизоде: в один из таких набегов в 1778 г. киргизы, нахлынув на с. Екатериненштадт (Баронск), захватили много пленников, преимущественно женщин и детей; пастор Вернборнер, собрав добровольцев, бросился киргизам в погоню; когда киргизы заметили преследователей, они быстрым натиском разбили этих смельчаков, захватив Вернборнера, труп которого впоследствии был с вырван- [с. 189] ным языком, в обезображенном виде найден на месте столкновения; можно предположить, что это место находится верстах в 8-10 от Екатериненштадта, около села Боаро, на пригорке, сохранившем и

доселе название «киргизской горы» (Kirgisenberg).

Этот набег был одним из последних: киргизы были достигнуты войсками под начальством майора Гоголя, отбившего у них пленников и разбившего их наголову.

В заключение приведу следующее донныне сохранившееся в Екатериненштадте предание. Кучка местных поселян, задумавшая вернуться обратно в Германию, была заманена жителями русского села Березняки, с которыми тогда отношения были неприязненные, на один из волжских островов под предлогом показать им верный путь и ограблена и избита. Остров этот известен под названием «остров убийства» (Mordinsel) и расположен, как мне объясняли, ниже села, против впадения реки Малого Карамана в Волгу.

Вот при каких условиях протекала первоначальная жизнь колонистов. Десяток, а то и другой, лет должны были пройти, пока они немного освоились и забыли свою родину, привыкли к окружающей природе и взялись за работу. И действительно, мы видим, что колонии к концу столетия стали расцветать, всюду казной были выстроены церкви и школы, и жизнь постепенно стала налаживаться.

Природа была девственная, богатая; из писем, посылаемых в то время за границу (например, в Швейцарию), мы узнаем, что растительность (цветы, травы, луга и леса) не уступают швейцарским; вся степь благоухает запахами разнообразнейших трав, стеной тянутся леса, задерживающие и в самую жаркую пору влагу и способствующие неслыханным урожаям. И тогда преимущество отдавалось пшенице и табаку, об удобрении почвы не думали, навоз, как и ныне, шел на топливо; еще при императоре Павле один из поселян за открытие способа выделывать кизяк был награжден золотой медалью. Но уже налаживалось то хищническое отношение к природе, которое наблюдается и теперь, грозя в конец разорить наше крестьянство. [с. 190]

Мало мы знаем прошлое нашего края... Сколько скрыто там и сям, по разным концам Новоузенского уезда, остатков того времени!.. Кто знает, что таится по всем этим курганообразным вышкам, которых так много у нас?.. Не любознательны мы, даже не любопытны!

Несколько лет тому назад, около с. Краснояра (нем.) случайно была вскрыта вышка, из которой местные жители, по их собственным рассказам, брали для своих надобностей какой-то камень, пока не растащили все...

Но далеко ли ушли мы от первобытных времен?

Боюсь, что нет. Что было, то и есть. Лишь первые переходные шаги заметны у нас, мелкие нерешительные шаги. Думаю, что наблюдение это основано на действительности повседневной жизни.

С признательностью отмечаем широкие культурные начинания нашего земства во всех областях нашей сельской жизни: тут и медицина, и агрономия, и школа сетью начинают, в зависимости от средств, покрывать наш уезд; и если немец-колонист, подобно русскому земляку, иногда с осторожностью относится к этим «новшествам», то все-таки шаг за шагом «мещанское счастье» должно уступить и безусловно уступит место сознательному пониманию и использованию тех средств культуры, которые нам необходимы для борьбы, для мирной созидательной работы, для развития нашего края.

Сужу за последний десяток лет, прожитый мной в пределах уезда, по наблюдениям, сделанным мной в с. Красном Яру немецком, вокруг которого группируется тесным кольцом население в 40–50000 чел. и в котором концентрируются мероприятия земства (к слову сказать: специально нам при массе скота недостает ветеринарного пункта); сужу, внимательно следя за психологией немца-колониста, который сросся и сроднился со своим краем, как он, по зрелом размышлении, взвесив и соразмерив, убедившись на деле в целесообразности «нововведения», усваивает себе полезное и нужное для себя и своего [с. 191] обихода; он, этот «инородец», никогда не знавший крепостной зависимости, выросший на широких приволжских степях, иногда кажется непонятно капризным; но этот каприз не упорство, он быстро уступает место благоразумию, когда колонист замечает, что считаются и с его инородчеством, с ярко выраженными особенностями его происхождения, языка и религии.

Часто приходится слышать и даже читать, как, например, в статье г. Колесникова, необыкновенные обвинения немецкого

населения в «тупости, односторонности и крайней бедности духа», в том, что «на самом деле в духовном развитии они стоят очень низко».

Не зная г. Колесникова, склонен думать, что он мало знает немецкое население и введен в некоторое заблуждение, положившись в данном случае на литературу к своему очерку, к сожалению, часто грешащую именно в определении нравственных и духовных качеств – понятий, довольно растяжимых и часто условных; смею предположить, что сравнительная статистика привела бы нас к лучшим выводам, так как жизнь и внимательное личное, непосредственное ознакомление с объектом обследований в данном случае противоречит всевозможным «теориям» и поверхностным «заключениям», сделанным «со стороны», часто «на скорую руку».

Козлом отпущения у г. Колесникова является никто иной как духовенство. Беру на себя смелость спросить г. Колесникова, знаком ли он с личностью и деятельностью ну, хотя бы лютеранского пастора, с направлением его влияния на немецко-лютеран; неужели же г. Колесников серьезно уверен, что пасторы специально занимаются отупением близких им людей?

Так как убедить человека трудно, а разубедить невозможно, могу лишь посоветовать г. Колесникову на опыте самому разубедиться в своих выводах, и самому же убедиться на том же опыте в правоте вышеизложенного. Не желая вызывать бесплодной полемики, скажу лишь, что оценка нравственного и [с. 192] духовного развития человека, а тем более целой народности, вещь довольно «тонкая» и рубить ее с плеча не следует.

Слишком 40% населения нашего уезда – немцы-колонисты; постепенно из этой среды, в течение прожитых лет, вышли люди с высшим, еще более со средним образованием, работающие на разных поприщах: тут и врачи, пасторы, агрономы, техники, гласные земства, члены управы, учителя народные и средних учебных заведений – все проникнутые пламенным желанием потрудиться на пользу местного жителя, сознавая важность переживаемых исторических моментов. Нужно надеяться, что при дружной работе прежде всего интеллигенции уезда, жадно при всех своих начинаниях прислушивающейся к мнению местных людей и считающейся с разумными пожеланиями общества, но

вместе с тем ни на минуту не отступающей от заданной ей культурной работы, настанет и у нас время, когда широкие слои населения проникнутся тем общественным, общегражданским сознанием своего достоинства, исчезнет косность и заедающая нас отсталость, беспечность «божьей коровки», сгинет засасывающая нас тьма и невежество, и мы будем жить не только массовыми инстинктами, а радостной, хорошей, сознательной личной жизнью – человека в наилучшем смысле этого слова. [с. 193]

Штенцель.³

**Вестник Новоузенского Земства, 1913, 2-й год изд.,
№ 5-6, сентябрь-декабрь, с. 182-193.**

³ Автор данной статьи лютеранский пастор Иоганнес Штенцель (1877-1946). Биографическую справку о нем см. на сайте “Geschichte der Wolgadeutschen” (адрес в интернете: <http://wolgadeutsche.net/lexikon/Stenzel.htm>). – Прим. А. Шпак.